Г. В. Павлов

РОЛЬ ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ЯПОНИИ В СОХРАНЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Работа представлена кафедрой теории и истории культуры СПбГУКИ.
Научный руководитель – кандидат философских наук, доцент И. К. Москвина

Русскую культуру XX века невозможно представить без учета того огромного вклада, который был сделан русской эмиграцией. Русская эмиграция в Японии – это явление поистине уникально тем, что русская культура смогла сосуществовать с восточной культурой. Необходимость покинуть свою родину стала настоящей трагедией, была вынужденным фактором для многих россиян. Но эти люди даже на чужбине сохранили культурное и духовное наследие России, уникальную ментальность русского человека, в то же время не нарушая устоев чужой для европейца восточной культуры. Русская эмиграция в Японии после гражданской войны была крупным историческим явлением.

Русское общество в изгнании было относительно высоко образованным, и проявления его культурной жизни облекались по большей части в словесную форму. Существенной частью культурной деятельности русской эмигрантской диаспоры явилось издательское дело. Русские эмигранты в Японии организовали издательства, которые осуществляли публикацию русской классики, учебной и научной литературы на русском языке, газетно-журнальной периодики.

Финансовые трудности уничтожали малейшие прибежища молодых литераторов.

Подводя неутешительный итог газетно-журнальным возможностям русской литературы в Японии, можно сказать, что «возможность печататься для большинства молодых отпала»[1].

Особые обстоятельства жизни русских в Японии определили и интенсивную литературно-издательскую деятельность (издательская деятельность подробно освещена в диссертации в вопросе «Общественные организации. Периодическая печать»). Надежды на возвращение таяли, связи с Родиной были прерваны, русско-язычные издательства часто прекращали деятельность из-за материальной несостоятельности эмигрантов-издателей.

Творческая жизнь Русского Зарубежья отразилась и запечатлелась в небывалой по объему периодической печати – газетах, журналах и бюллетенях.

Сложности, возникающие при работе с этой группой источников, кроются в раздробленном характере большинства изданий. Они появлялись, как только в них появлялась необходимость, и были недолговечны по причине недостатка материальных средств и ссор между представителями эмиграции. На основе привлечения комплекса периодической печати и архивных материалов, в сочетании с критическим анализом теоретического наследия представителей общественно-политической мысли Русского Зарубежья, в этих работах дана концепция особенностей исторического развития российского государства, причин революционного кризиса начала XX века, перспектив политического и экономического развития России в будущем.

Достойных людей выдвинула эмиграция в Японии. Каждый из них внес свою лепту в дело сохранения русской души, русской культуры.

Интересна судьба известного дальневосточного журналиста Бориса Петровича Лопатина (часто подписывался фамилией Б. Шуйский), формировавшего общественное мнение в Японии. Бывший художе-

ственный критик и сотрудник столичной газеты «День», в конце 1917 года он с семьей выехал во Владивосток, где в 1918 году стал издавать еженедельник «Моя газета», выходившей по понедельникам. Сила журналиста проявилась в его противостоянии обстоятельствам. Чтобы не потерять себя в бурных катаклизмах времени, он активно включается в сложную жизнь. В том же, 1918 году он стал редактором-издателем владивостокской ежедневной газеты «Эхо», в которой часто публиковал свои статьи[2].

В этой ежедневной газете содержался огромный поток информации: в том числе драматичные события 1917–1922 гг., вместившие и оккупацию японцами Сибири и Дальнего Востока, страшные последствия этой оккупации. За критику колчаковского правительства Лопатина арестовали и судили, а газету закрыли. Одновременно журналист преследовался сторонниками атамана Калмыкова. Позже стал редактором литературного журнала «Лель». Лопатина не страшат обвалы истории, критерием оценки личности становится мера понимания времени, осознания себя во времени. Недолго поредактировав литературный журнал «Лель», Лопатин основал во Владивостоке Литературно-художественное общество Дальнего Востока. Следующим шагом в постижении творчества стал переезд Лопатина в 1922 году в Японию, откуда он сотрудничал с различными печатными агентствами.

В 1920 году, в февральском номере (за 20 февраля) ежедневной газеты «Эхо», выходившей во Владивостоке, была напечатана интереснейшая статья за подписью Б. Шуйский. Статья называлась «Япония впервые (Впечатления импрессиониста)»[3]. В живой увлекательной форме журналист излагает свои впечатления о художественном взгляде на Японию. Позиция Лопатина отличается своеобразием оценки, но улавливается объективный взгляд на японцев, прежде всего – на позитивные стороны деятельности нации, которые в глазах журналиста имеет большие перспективы на будущее раскрытие в искусстве и в материальной жизни.

Экзотика жизни, в представлении журналиста, теряется в трудолюбии, совершенствовании нации. Журналист Б. Шуйский с высоким художественным вкусом и чутьем уловил в японцах стремление обрести гармонию между миром и человеком, найти путь гармонизации жизни в условиях дегуманизации. Считаю необходимым воспроизвести статью Лопатина-Шуйского в материале «Япония глазами русских эмигрантов»[4].

Таким образом, немногочисленные статьи Лопатина посвящены истории Японии, отдельным политическим фигурам, освещают некоторые стороны их деятельности.

Во всех этих работах, как и следовало ожидать, внимание автора привлекают не только жизнь, связанная с иммиграцией, но и полные событий годы, предшествовавшие эмиграции.

Большую активность в Японии проявил опытный журналист и литератор Анатолий Яковлевич Гутман (Анатолий Ган). В июле 1918 года бывший редактор-издатель газет «Коммерческий телеграф» (Москва), «Биржевой курьер» и «Эпоха» (Петербург) выехал из Москвы. Через Казанский фронт пробрался в Сарапульский уезд. Журналист принимал активное участие в восстаниях рабочих на Ижевском и Воткинском заводах, сотрудничал в газетах «Воткинская жизнь» и «Ижевский защитник», читал лекции для рабочих и солдат народной армии генерала Каппеля[5].

В октябре 1918 года Гутман приехал в Уфу, где публиковался в местных «Отечественных ведомостях». После эвакуации он переехал в Екатеринбург, где писал в «Уральскую жизнь». В январе 1919 года уехал в Омск и печатался в газетах «Заря» и «Русская армия». В конце марта 1919 года Гутман приехал во Владивосток и основал газету «Русский экономист», которую редактировал до 31 января 1920 года. После свержения власти Колчака Гутман уехал в Японию, основав в Токио газету «Дело Рос-

сии». В первой редакционной статье он отметил: «Очень благодарны Японии за оказанное нам гостеприимство, которое ценим и, конечно, не будем злоупотреблять. Мы временно пришли на Дальний Восток, чтобы продолжить служить своей несчастной родине, и просим только об одном – выслушать нас»[6].

В мае 1920 года Гутман и генерал-майор Ю. Д. Романовский учредили в Японии Русский политический комитет. А газета «Дело России» стала органом этого комитета. Газета выходила четыре раза в месяц. Редактором был В. В. Шерстобитов. В июле 1920 года А. Я. Гутман уехал из Японии в Китай, где приступил к изданию большого труда «Россия и большевизм», одновременно работал над книгами «О роли евреев в большевизме» и «Гибель Николаевска-на-Амуре». Затем журналист переехал в Германию.

Близость к России определила необходимость издания в Японии соответствующей литературы. В разное время здесь жили многие известные публицисты, журналисты и писатели Русского Зарубежья.

Сергей Гурьевич Гортинский (Г. Тинский) в России был журналистом и редактором сибирских газет «Трудовой день» и «Возрождение». В конце 1917 – начале 1918 г. он писал с Поволжья в московские газеты «Утро России» и «Раннее утро» (до самого их закрытия большевиками). В сентябре 1918 г. Сергей Гортинский бежал на Дальний Восток, где сотрудничал с газетами «Заря», «Омск», «Амурское эхо» (Благовещенск). Он также редактировал читинскую газету «Русский Восток», а затем «Восточный курьер». В июле 1919 г. С. Г. Гортинский издал брошюру «Возрождающаяся Россия (Очерки из истории борьбы с большевизмом)». В августе 1919 года он выехал из Владивостока в Японию. С марта 1920 года Гортинский заведовал «Русским информационным бюро в Японии» и писал в японские, английские, американские и владивостокские газеты. В Токио С. Г. Гортинский основал Дальневосточную организацию Трудовой крестьянской партии, главой которой он стал. Настроенный просеменовски, Гортинский издал в Токио в 1920 году на русском и японском языках небольшую книгу «Атаман Семенов, его жизнь и деятельность» («Сэмёнофу сюрё. Соно сёган то кацудо»).

Внимательно наблюдая за жизнью японцев, журналист Гортинский в очень увлекательной манере передавал атмосферу традиций, праздников. В подтверждении этого привожу выдержки из его статьи «Императорский морской смотр в Японии», из хабаровской газеты «Приамурье» за 25 ноября 1919 г., передающей атмосферу особой торжественности «Императорского морского смотра в Японии»[7]. На смотре из русских журналистов присутствовал только автор, написавший эти строки. Журналист описывает торжественный морской праздник – Императорский смотр. «Начавшиеся 23 октября морские маневры в Японии окончились 27 октября, а 28-го состоялся императорский морской смотр. День морского смотра – это большой праздник в Японии. Очень трудно получить особое разрешение, даже корреспонденту, на право присутствования на этом празднике. Морское торжество проходило в Иокогаме, поэтому весь люд устремился из Токио. Через роскошную арку, специально устроенную, проследовал микадо на берег моря. В момент его прибытия на берег, в 9 часов 10 минут утра, все бывшие на смотру суда разразились салютными выстрелами из тяжелых морских орудий. Император сел на броненосец “Ситцзу”, и тот плавно двинулся в море, а позади него последовали другие суда. Всего в смотре участвовало около 150 судов. Броненосец “Ситцзу”, на котором находился император, медленно подошел к правому флангу парадирующих судов. Судовые команды все были выстроены на бортах своих судов, и, по мере продвижения императорского броненосца, каждое судно, к которому подъезжал микадо, оглашалось дружными криками “банзай”.

После отъезда и смотра судов, начался съезд на обед к императору командиров судов. На этом обеде микадо делались указания, касающиеся последних морских маневров. Обед продолжался до трех часов дня. И во все это время над судами красиво реяли аэропланы, которых было двенадцать. Полеты авиаторов отличались неустрашимостью и смелостью. В три часа окончился обед, и императорский броненосец снялся с якоря. В момент прибытия микадо в Иокогаму в последний раз были произведены судами пушечные салюты. Этим и закончился парад»[8]. Живописное описание праздника подчеркивает мироощущение японцев, их отношение к вековым ритуалам и традициям.

Но в оценке жизни эмигрантов в Японии, в частности в Токио, не было единого мнения. Некоторые журналисты отмечают разногласия и бытовые неурядицы среди живущих там.

«Но где бы русские ни были, они никак не могут отделаться от особенностей, навеянных на них бурной эпохой современности. Русская колония в Токио, в общем, живет безо всякой спайки и общности национальных интересов. Здесь тот же раздор, что и в Сибири. Партийной жизни в точном смысле этого слова здесь, конечно, нет, но в то же время всякий русский, несомненно, является сторонником той или иной программно-политической организации. Здесь так же господствуют различные политические течения: здесь есть социалисты и несоциалисты, существуют и все партийные расслоения и группировки. Здесь есть защитники и восточной, и западной, и заокеанской ориентации. Словом, здесь есть, правда, в миниатюре и примитиве все, что мы можем видеть в Сибири и России вообще. Здесь та же непримиримость, и та же вражда разновидностей общественных настроений»[9].

Эмигрантские издательства внесли свой вклад в знакомство Японии с русской культурой, этому способствовала переводческая и издательская деятельность диаспоры.

Япония приняла русскую эмиграцию. На чужбине многое переосмысливается, приобретается новый, неповторимый опыт жизни. Эмигрантский опыт в Японии имеет огромное значение и для наших дней. Он во многом оказался провидческим, так как предугадал особенности культуры японцев, их предназначение в самых ответственных делах сочетать «сегодня» и вчерашний быт. Неизвестные, погруженные в будничную жизнь Японии выходцы из России, день за днем, проводя бок о бок с японцами, оставили след в культуре этой страны. Именно в таком повседневном контакте между русскими и японцами, может быть, и заключается реальность настоящего взаимопонимания между двумя странами.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Чернолуцкая Е. Н.* Уникальный опыт. Особенности культурных контактов // Россия и АТР. 1997. № 4. С. 32.

[2] *Хисамутдинов А. А.* По странам рассеяния. Владивосток: Изд. ВГУЭС, 2000. Ч. II. С. 14.

[3] *Лопатин Б. П.* Япония впервые // Эхо. Владивосток. 1920, 20 февраля.

[4] Там же.

[5] *Хисамутдинов А. А.* По странам рассеяния. Владивосток. Изд. ВГУЭС, 2000. Ч. II. С. 14.

[6] *Гутман А. Я.* // Дело России. 1920, 20 марта. С. 20.

[7] *Гортинский С. Г.* Императорский морской смотр в Японии // Приамурье. Хабаровск.1919. 25 ноября.

[8] *Гортинский С. Г.* Колония в Японии // Приамурье. Хабаровск. 1919. 25 ноября.

[9] Там же.